

УДК 378(470.324)

ИЗ ИСТОРИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ 1920-х ГОДОВ

М. Д. Карпачев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 мая 2025 г.

Аннотация: в статье анализируются особенности формирования и развития воронежской высшей школы в первые годы советской власти. Показаны процесс создания новых советских вузов, трудности и достижения в их деятельности. Освещается роль профессорско-преподавательских кадров разных поколений в становлении воронежских вузов.

Ключевые слова: Воронеж, высшие учебные заведения, создание, первые годы советской власти.

Abstract: the article analyzes the features of the formation and development of Voronezh higher school in the early years of Soviet power. The process of creating new Soviet universities, difficulties and achievements in their activities are shown. The role of professorial and teaching staff of different generations in the development of Voronezh universities is highlighted.

Key words: Voronezh, higher education institutions, creation, the first years of Soviet power.

История высшей школы России самым тесным образом связана с большими и малыми поворотами в судьбе страны. Иначе, впрочем, и быть не могло. В течение всего XIX столетия российские университеты являлись основными очагами подготовки интеллектуальной элиты. С течением времени непрестанно возрастала их роль в формировании административно-управленческого персонала всех уровней. Но одновременно из стен высших учебных заведений всё более мощным потоком выходила русская интеллигенция, мировоззрение которой отличалось повышенной оппозиционностью по отношению к самодержавному строю. В конце концов именно оппозиционная интеллигенция сыграла ключевую роль в революционном ниспровержении старого режима. К моменту крушения монархического строя в России насчитывалось 124 высших учебных заведения, в том числе 11 университетов [1].

В Центральном Черноземье, как известно, первый вуз был учрежден по указу Николая II, опубликованному в 1912 г. Им стал Воронежский сельскохозяйственный институт имени Петра Великого (СХИ) [2, с. 7]. Вскоре после установления в России советской власти германскими войсками была оккупирована Эстония. Город Юрьев был переименован немецкими властями в Дерпт, но вскоре уже эстонское правительство переименовало его в Тарту. Следствием этих событий стало закрытие Юрьевского университета, одного из

старейших в Российской империи. По решению советского правительства русскоязычный персонал теперь уже бывшего Юрьевского университета был эвакуирован в Воронеж, где был учрежден новый университет, один из первых университетов советского времени [3].

Вполне понятно, что первые воронежские вузы начинали свою деятельность по уставам до-революционного времени. В СХИ функционировал поначалу один агрономический факультет, в университете же 12 ноября 1918 г. начались занятия на четырех факультетах, персонал которых был эвакуирован из Юрьева: историко-филологическом, юридическом, физико-математическом и медицинском.

Революция привела к перевороту всех сторон жизни высшей школы. Энтузиасты радикальных преобразований сразу же поставили цель полного изменения характера и содержания деятельности вузов в Советской России. Уже 6 августа 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет, предоставлявший всем трудящимся право поступления в любые высшие учебные заведения. Трудящимся же признавались пролетариат и крестьянство, особенно та его часть, которая не прибегала к найму батраков. Выходцы из этих слоев получили приоритетное право поступления в советские вузы.

Постановление было составлено в духе того бурного времени. Пафос революционного преобразования воодушевлял молодежь, а быстрота крушения старого строя способствовала росту иллюзий о беспредельных возможностях победив-

шего класса. Мечты о близком коммунизме волновали воображение, цели казались простыми и ясными. Воронежские вузы должны были принимать на обучение всех желающих, достигших 16-летнего возраста, и при этом независимо от уровня имевшегося образования. Нормы для нового приема отменялись. Для реализации революционных установок губернский отдел народного образования (губоно) направил своих представителей (Т. В. Рындина и М. А. Белорусец) в комитет по устройству университета. Они должны были проследить за ходом выполнения постановления советской власти. Специальным решением губоно от 30 сентября 1918 г. университет обязан был в первую очередь «принимать в число слушателей и слушательниц детей пролетариата, беднейшего крестьянства и партийных работников; во вторую очередь – юрьевцев, в третью очередь – уроженцев Воронежской губернии». Постановление потребовало вести прием в течение всего учебного года и установить «дополнительные вечерние занятия с тем, чтобы предоставить всем лицам, занятым днем службою, возможность учиться по вечерам» [4, лл. 35–37]. Примечательно, что к лицам, пользующимся правом первоочередного приема, кроме детей пролетариата и бедного крестьянства, были причислены и дети партийных работников. Решение это было по-своему логичным: верхушка партии рабочего класса была отнюдь не пролетарского происхождения, и относить собственных детей к низшему разряду было бы для нее противоестественно.

Между тем из-за военного лихолетья и наступившей разрухи и в СХИ, и ВГУ не хватало элементарного оборудования, а преподавательские силы были крайне ограничены. Широкий доступ к студенческим скамьям подкреплялся и вполне прозаическими обстоятельствами. Статус студента давал право на получение пусть скромного, но всё же постоянного продовольственного пайка, а также на льготы при призыве на военную службу. В результате первые годы советской власти стали временем беспрецедентно массового наплыва молодежи в вузы. В 1918 и 1919 г. в СХИ и ВГУ подавали прошения по 6–7 тысяч человек, подавляющее большинство из которых было совершенно не готово к освоению вузовских программ. Преподаватели, в свою очередь, не имели никаких возможностей для того, чтобы обеспечить должную подготовку громадной массы разношерстных новичков.

Решительно менялась и система образования. В ноябре 1918 г. Наркомат просвещения издал декреты об отмене ученых степеней и званий. Все преподаватели, способные к чтению лекций,

объявлялись профессорами. Были отменены дипломы (вместо них вводились свидетельства), а также курсовые и выпускные экзамены. Считалось, что экзамены унижают достоинство пролетарской молодежи, поэтому они заменялись проверочными беседами студентов с профессорами; проводиться такие беседы могли в течение всего учебного года [5].

Понятно, что старая профессура относилась к нововведениям с большим неудовольствием. Привычный учебный процесс стал попросту невозможен. Стремление «буржуазно-дворянской» профессуры противостоять стихии социального обновления и предъявить академические требования зачастую воспринималось новым студенчеством как проявление контрреволюционной сущности представителей старой школы. Руководство Советской России учитывало такое противостояние. Подтверждая декреты вождя, программа РКП(б), принятая на VIII съезде в 1919 г., поставила перед высшей школой республики следующие задачи: «Открытие широкого доступа в аудитории высшей школы для всех желающих учиться и в первую очередь для рабочих; привлечение к преподавательской деятельности в высшей школе всех, могущих там учить; устранение всех и всяческих искусственных преград между свежими научными силами и кафедрой; материальное обеспечение учащихся с целью дать фактическую возможность пролетариям и крестьянам воспользоваться высшей школой» [6, с. 420].

Революция была временем великих надежд и романтических иллюзий. Вовлекшиеся в крутую ломку старого строя неискушенные молодые пролетарии искренне полагали, что в самое короткое время можно воплотить в жизнь соблазнительный девиз: кто был ничем, тот станет всем. Но сначала надо было разрушить чуждые пролетарской диктатуре учреждения. К их числу, разумеется, относилась и дореволюционная система образования. «Старая школа, – писал в ту пору В. И. Ленин, – вырабатывала прислужников, необходимых для капиталистов, старая школа из людей науки делала людей, которые должны были писать и говорить, как угодно капиталистам. Это значит, что мы должны ее убрать» [7, с. 306]. Большое подозрение вызывали, прежде всего, гуманитарные факультеты, поскольку их дисциплины базировались на прежнем дореволюционном мировоззрении. Вот почему в ВГУ скоро начались организационные перетряски. Уже через месяц после начала занятий, 23 декабря 1918 г., по распоряжению Наркомпроса был закрыт юридический факультет [8, л. 35]. В начале 1919 г. та же участь постигла историческое отделение историко-филологиче-

ского факультета. Подобного рода мероприятия, конечно, проводились не только в Воронеже. Советская власть не хотела мириться с наиболее «буржуазными» рассадниками просвещения. Для решения задачи кардинального изменения мировоззрения людей они явно не подходили. Такие факультеты закрывались повсеместно как контрреволюционные гнезда [9].

Республике Советов нужны были пролетарские обществоведы и правоведа. Поэтому за подготовку специалистов гуманитарного профиля должен был быть принят учрежденный в ВГУ в том же 1919 г. факультет общественных наук (ФОН). Однако эффективной работы в пользу советской власти от ФОНа ждать не приходилось. Совсем непростой задачей была разработка принципиально новых учебных программ. Кроме того, попросту не было квалифицированных преподавателей, подходящих по своему мировоззрению для реализации поставленных целей. Привлекались, правда, идеологические работники партии, например, А. В. Шестаков, но таких специалистов явно не хватало. Новый факультет был вынужден пользоваться услугами преподавателей юридических и исторических дисциплин закрытых кафедр. В число студентов ФОНа принимали и лиц без среднего образования, но, как сообщала газета «Воронежская Коммуна», «подготовленных и сравнительно развитых» [10]. Бессистемность в работе ФОНа была очевидной. И в 1921 г. он был закрыт. Задачи по подготовке обществоведов новой формации были возложены на педагогический факультет, учрежденный в том же году.

Без преувеличения можно сказать, что от полного развала учебной деятельности университет и СХИ спасла старая профессура. По мере сил она стремилась сохранить традиционные методы организации учебного процесса. На первых порах ей даже удавалось отстаивать остатки вузовской автономии.

У профессоров старой формации проблема выживания стала весьма острой. Некоторые из них (профессора Е. В. Петухов, В. Г. Алексеев, Н. И. Коробка и другие) сочли за благо покинуть Воронеж в 1919 г. вместе с отступавшими белогвардейскими войсками. Другие стремились использовать естественные слабости революционной власти и организовать явочным порядком новые учебные заведения, позволявшие в какой-то мере компенсировать потерю рабочих мест. Так, группа местных и вновь прибывших ученых смогла устроиться в открытое в 1920 г. Воронежское отделение Московского археологического института [11]. Это экзотическое по современным понятиям учебное заведение состояло из трех от-

делений: археологического, археографического и истории искусств. Никакого расчета потребностей в кадрах такого профиля в Воронеже, естественно, не производили, а учебные программы составлялись с учетом наличных педагогических и научных сил. В штатный состав входило не более полутора десятков преподавателей, в том числе несколько профессоров закрытых подразделений ВГУ [11].

Материальное положение воронежских вузов было чрезвычайно тяжелым. Во время гражданской войны как университет, так и СХИ находились на грани полного прекращения деятельности. Для ВГУ, например, истинным бедствием обернулось заключение в 1920 г. Тартуского мирного договора между Советской Россией и Эстонией. Договор, в частности, предусматривал возвращение в Эстонию всего эвакуированного имущества Юрьевского университета, включая библиотечные фонды [12]. По настоянию Наркомата иностранных дел из Воронежа вскоре было вывезено 49 вагонов университетского имущества, включая 27 вагонов с книгами [13, с. 30]. Материальная база ВГУ была фактически опустошена. Ректор проф. В. Э. Регель неоднократно обращался в Наркомат просвещения с просьбами о помощи [13, л. 4]. В Наркомате соглашались с доводами ректора, помощь обещали, но до реального возмещения потерь дело долго не доходило.

Очень большие утраты понес в годы гражданской войны и сельскохозяйственный институт. На его территории не раз вспыхивали бои, причем в главное здание попало свыше 40 снарядов. В результате военных реквизиций институт остался без живого и мертвого инвентаря. Помимо всех этих бед сильный пожар 1920 г. уничтожил значительную часть оборудования в главном корпусе [14].

Значительные потери нес и преподавательский персонал. От голода и болезней погибли известные в ту пору профессора Л. В. Ассур, М. С. Цвет, П. А. Яковенко. Было бы, впрочем, грубой ошибкой полагать, что в первые годы советской власти шли только деструктивные явления в области высшего образования. Наряду с безвозвратными потерями было немало перемен позитивного характера. В обществе развернулись необычайно динамичные процессы, пришли в движение огромные социальные пласты. И хотя лобовой атакой невозможно было преодолеть культурную отсталость народных низов, несомненно то, что тяга к просвещению была одним из важных условий грядущего экономического и социального подъема. Это тем более важно отметить, что за неизбежным спадом волны стихийного романтиз-

ма последовали вполне целесообразные мероприятия по упорядочению работы высшей школы.

Нововведением, имевшим исключительно важное значение для всей последующей судьбы советских вузов, стало создание так называемых рабочих факультетов (рабфаков). Напор неподготовленной молодежи (самого пролетарского происхождения) мог попросту погубить учебный процесс. Когда в аудитории набивались сотни малограмотных юношей и девушек, лекция профессора становилась бессмысленной. Не замечать этого долго не могли. Поэтому уже спустя два года после ленинского декрета о свободном доступе в вузы правительство Советской России приступило к регулированию приема в высшую школу. Рабфаки, открывавшиеся при крупных учебных заведениях, были призваны стать своеобразными подготовительными фильтрами, через которые должна была пройти не имевшая среднего образования рабоче-крестьянская молодежь.

В сентябре 1920 г. рабочий факультет был открыт и при Воронежском университете. Рабфак получил статус автономно управлявшегося учебного учреждения с собственными программами, отдельным финансированием и преподавательским персоналом. Сначала выпускники рабфака имели право на свободное поступление в любой вуз страны, затем появились ограничения при приеме в престижные столичные институты. Рабфаку при ВГУ было присвоено колоритное имя Первой конной армии. Длительное время он размещался в здании бывшего духовного училища по проспекту Революции, 24. Первым деканом был назначен А. Княжев, затем должность руководителя перешла к бывшему юрьевскому профессору-правоведу А. С. Невзорову. Срок обучения на рабфаке был четырех- или трехгодичным. Принимали на него членов профсоюза, рабочих со стажем физического труда не менее двух лет, земледельцев, не эксплуатировавших чужого труда, а из лиц нефизического труда – только членов РКП(б) и РКСМ с трудовым стажем не менее трех лет. Возраст поступающих на рабфак должен был быть не менее 18 лет. А вот особого образования не спрашивали: требовалось только бегло читать и писать, знать четыре правила арифметики.

Студентам рабфака был положен продовольственный паек и койка в общежитии. Однако последнее условие выполнялось далеко не всегда, мест не хватало. Уже в 1922 г. прием на Воронежский рабфак шел в основном по разнарядке: губисполком направлял на учебу 15 земледельцев, губпрофсовет – 38 членов профсоюза, по 11 человек направляли губкомы РКП(б) и РКСМ. Отбор проводила мандатная комиссия из пяти членов:

от президиума самого рабфака, от губпрофсовета (двое), от губкомов РКП(б) и РКСМ (по одному) [15]. Вполне понятно, что важнейшей функцией рабфака была социально-политическая. С его помощью в вузы должен был идти поток трудовой молодежи. Как сообщала местная пресса, в начале 1923 г. на Воронежском рабфаке обучались 523 студента, из них 44 % были рабочего и 44 % крестьянского происхождения, лишь 12 % относились к лицам нефизического труда [16]. Стоит отметить, что учились рабфаковцы с энтузиазмом. Но жили очень трудно. У рабфака, сообщала «Воронежская Коммуна», нет средств на содержание общежития и классов. «Необходимо поддержать рабочий факультет, ибо в противном случае ему грозит или закрытие, или жалкое состояние. А ведь рабфак есть оплот пролетариата в высшей школе» [17].

Особенно примечательной чертой эпохи надо признать бурное учредительство в области высшего образования. В первые три-четыре года советской власти было учреждено большое число новых университетов и институтов, причем происходило это практически повсеместно. Массовое устройство новых вузов объяснялось рядом причин. Влиял, конечно, пафос революционного преобразования. Но определенное значение имело стремление преподавателей найти дополнительные источники существования. Ограничений на совместительство тогда еще не было, а дополнительные заработки в ту тяжелую пору были совсем нелишними. Кроме того, влияло, конечно, естественное в пору революции ослабление институтов центральной власти. Местные инициативы плохо регулировались, больших согласований для открытия нового вуза тогда не требовалось. В такой обстановке новые вузы на местах столь же быстро закрывались, как и открывались, поскольку серьезного материального и кадрового обеспечения под скороспелым учредительством, естественно, не было. Однако история некоторых недолговечных вузов всё же не прошла бесследно.

К числу таких забытых теперь начинаний относится история Воронежского Практического института (ВПИ). Вузы с таким необычным названием появлялись тогда во многих местах. Одним из студентов ВПИ был, например, известный воронежский архитектор Н. В. Троицкий. Создание такого вуза полностью отвечало веяниям времени. Базой для его создания стал Воронежский государственный техникум. Техникум же, в свою очередь, возник в январе 1920 г. путем реорганизации Воронежского механико-технического училища имени Петра Великого, основанного еще в 1908 г. Инициатором создания техникума и его

руководителем был известный в Воронеже инженер и педагог Х. П. Глonti [18]. Преобразование техникума в институт произошло в начале 1921 г. «Тогда, – вспоминал Н. В. Троицкий, – во многих городах открывались такие полувысшие учебные заведения, так как стране надо было быстро создать новые кадры инженеров разных специальностей» [18, с. 34]. Надо, правда, признать, что мемуарист, по всей видимости, говорил скорее об общих целях революционного переустройства России. Лежавшую в руинах экономику еще только предстояло восстанавливать. Разоренные предприятия едва ли могли предъявить спрос на кадры новых инженеров. Но будущий архитектор прав в главном: пролетарскому государству требовалась своя, уже не «буржуазная», инженерная интеллигенция. Отсюда такие темпы учреждения «полувысших» учебных заведений.

Официальный ответ Наркомпроса на ходатайство местных властей и инициаторов гласил: «Предложением от 17 февраля 1921 г. отдел технических учебных заведений сообщает Воронежскому губпрофобру, что согласно постановлениям коллегии Главпрофобра от 8 декабря 1920 г. и 2 февраля 1921 г. о техникумах, дающих звание инженера узкой специальности, на Воронежский государственный техникум распространяются все права и привилегии высших технических учебных заведений, и он может именоваться Практическим институтом» [19, л. 44]. Как видим, решение принималось просто: техникум объявлялся институтом, причем никаких материальных и кадровых обеспечений такое решение не требовало. С другой стороны, из документа следует, что Воронежский техникум и до превращения в институт имел право присваивать звание инженера, правда, «узкой специальности».

Положение о новом вузе было утверждено 16 августа 1921 г. В Практическом институте учреждались четыре отделения: механическое, химико-технологическое, строительное и керамическое. Свообразно строился учебный план: для получения квалификации требовалось три года учиться теоретическим дисциплинам, а затем не менее года отводилось практической работе. Только после такой продолжительной практики испытательная комиссия могла присвоить выпускнику звание инженера. Отсюда и название вуза.

Как и во всех воронежских вузах, материальные условия в ВПИ были крайне скудными. Работники вуза буквально голодали. Президиум губернского профсоюза просил власти срочно выделить институту аванс, ибо «у большинства служащих всё, что можно было продать, продано, и наступил момент, когда надвигается неизбежная пер-

спектива медленного голодания, умирания» [20, л. 7]. Институт имел крохотное общежитие на 20 студентов, а безденежное правление было не в состоянии выполнить даже обязательное постановление о подписке на «Известия Народного комиссариата труда» и просило губпрофобр ассигновать ему 2000 руб. «В противном случае, – говорилось в письме, – правление ВПИ снимает с себя всякую ответственность за невыполнение означенного постановления» [19, л. 28].

Из-за лишений в молодом вузе трудно было удерживать кадры преподавателей. В конце лета 1921 г. студенты химико-технологического отделения выступили с необычным обращением к совету ВПИ, в котором выразили тревогу в связи с уходом из института профессоров. Может получиться так, заявляли они, что скоро некому будет учить. Надо сделать всё, чтобы вернуть профессоров, «в противном случае мы вынуждены будем, не надеясь получить в Воронеже дальнейшего образования, просить институт и губпрофобр об откомандировании нас в другие высшие технические учебные заведения» [19, л. 18].

Практический институт покидали профессора, попадавшие в Воронеж в поисках куска хлеба. В те годы по стране скиталось немало выбитых из жизненной колеи интеллигентов. Но была в институте и группа талантливых педагогов и ученых, которая никуда уезжать не спешила. Правда, эти профессора трудились в Практическом институте по совместительству и могли рассчитывать если не на материальное благополучие, то хотя бы на некоторую стабильность. Так, ректором ВПИ был назначен профессор химии А. В. Думанский, занимавший одновременно должность ректора Воронежского СХИ, профессора Н. А. Сахаров, К. К. Сент-Илер, В. Е. Тарасенко, А. Д. Богоявленский (бывшие юрьевцы) трудились и в ВГУ, не одну должность занимали профессор электротехники Г. А. Пуле (бывший до революции городским головой Воронежа) и профессор политэкономии А. Н. Татарчуков.

Любопытно, что наиболее интенсивное учреждение вузов пришлось на завершающий период гражданской войны. Очевидно, что местные власти создавали новые вузы, не считаясь особенно ни с потребностями страны в кадрах, ни с объективными возможностями по их содержанию. Как правило, институтами объявлялись уже действовавшие в регионах средние специальные учебные заведения. Статус повышался самым простым способом: распоряжением местных властей. К 1922 г. институтов стало очень много. При этом открытие новых вузов практически сразу же сопровождалось настойчивыми просьбами к Нар-

компросу и его управлению по делам профессиональной школы (Главпрофобру) о выделении финансовых, материальных и кадровых ресурсов.

Пока шла гражданская война, центральные власти смотрели на такую самодеятельность снисходительно. Ресурсов почти не выделяли, но и серьезных ограничений не ставили. Но уже в 1922 г. в Наркомате просвещения начали понимать необходимость пресечения бушевавших в вузовской среде стихий. Был разработан и принят устав советского вуза, в соответствии с которым восстанавливались некоторые академические требования к студентам. Была организована массовая проверка знаний, по результатам которой многим юным пролетариям пришлось покинуть аудитории. Повсеместно устанавливались ограничения по приему; вузы не могли больше произвольно превышать установленные нормы новых наборов. Были закрыты многие преждевременно открытые университеты (Астраханский, Самарский, Смоленский, Ярославский и др.). Среди прочих был в 1922 г. ликвидирован и Московский археологический институт, включая его Воронежское отделение. Такая же судьба постигла и большинство Практических институтов.

Надо отметить, что воронежская общественность пыталась спасти Практический институт от закрытия. В самом начале 1923 г. областная газета сообщала: «Постановление Главпрофобра о немедленном пересмотре всех списков имеющихся Практических институтов и преобразовании в техникумы или закрытии тех из них, которые не могут удовлетворять заданиям высшей школы, вызвало волнение, как среди студентов, так и преподавателей нашего института» [21]. Нам, призывал орган местных коммунистов, надо сделать все для того, чтобы убедить Главпрофобр в необходимости сохранения своего Практического института. Однако призыв этот желанного результата не принес. Весной 1923 г. Практический институт в Воронеже был закрыт, причем распоряжение Главпрофобра на этот счет предписывало вернуть этому учебному заведению статус техникума. Так в Воронеже появился индустриальный техникум. Колоритное краснокирпичное здание этого учебного заведения сохранилось на углу улицы Кольцовской и проспекта Революции.

Еще одним вузом революционного времени был Воронежский институт народного образования (ВИНО). Его судьба оказалась более благополучной. Советская власть объявила о принятии неотложных мер по ликвидации неграмотности, поэтому подготовка учителей сразу стала актуальной задачей. Разумеется, победившей революции требовались педагоги нового типа. В августе

1919 г. Всероссийское совещание по педагогическому образованию приняло решение о создании на местах многочисленных высших педагогических учебных заведений – институтов народного образования. Совещание утвердило типовой устав ИНО. В нем говорилось, что институты народного образования «суть высшие учебные заведения, имеющие целью на основе социалистического строительства подготовку работников для всех отраслей народного образования в области дошкольной, школьной и внешкольной» [22, с. 51].

В Воронеже появилась возможность открыть ИНО вскоре после отступления из города белогвардейских войск Мамонтова и Шкуро. С 1 января 1920 г. губоно объявил закрытыми учительскую семинарию (существовавшую с дореволюционного времени), педагогические курсы и распорядился открыть на их основе Институт народного образования. Занятия в новом вузе начались с 1 февраля того же года. Институт начал подготовку школьных работников (называвшихся в ту пору шкрабами), в также инструкторов по трудовому обучению и специалистов по внешкольному образованию. К работе в новом институте были привлечены известные педагоги: профессор П. Ф. Каптерев, широко известный автор великолепных учебников по алгебре и геометрии математик А. П. Киселев, специалист по методике воспитания К. Н. Вентцель. Учебный год был разбит на триместры, во время которых студенты изучали историю научного мировоззрения, общую теорию эволюции, политэкономии, советскую конституцию, школьную гигиену и т.п. Руководство ИНО было коллегиальным: во главе коллектива стоял совет, в который входили все ответственные работники отделов. Совет выбирал из своего состава правление, причем председатель совета становился и председателем правления [23, л. 45]. Занятия, между прочим, уже были объявлены обязательными, с неременной сдачей зачетов.

ВИНО с самого начала оказался под довольно плотной опекой революционной власти. Шкрабы должны были воспитывать молодое поколение в духе требований советского государства. Нам, писала газета воронежских коммунистов, нужны свои, советские учителя. На губернском съезде работников просвещения ученый-педагог А. К. Димитриу неосторожно заявил, что воронежские учителя в большинстве своем политически развиты, но мыслят подчас «по-иному». Газета резко одернула: учителей, которые мыслят по-иному, Советской России не надо, нам «нужны педагогические кадры красного учительства – из красного студенчества» [24]. Поэтому более строго велся контроль над приемом студентов (особенно по со-

циальным признакам). С другой стороны, педвузу оказывали определенную помощь. В его структуру был включен, в частности, совхоз со 150 десятинами земли, садом и огородами, что, понятно, помогало решать тяжелые продовольственные вопросы.

С переходом к НЭПу советское правительство ввело плату за обучение. Однако вносить плату должны были представители имущих или предпринимательских слоев. Студенты рабоче-крестьянского происхождения, профсоюзного и партийно-комсомольского активом от платы освобождались. Платные места устанавливались на всех факультетах, кроме педагогических. Сделано это было специально: именно сюда поощрялся приток пролетарских питомцев. Пусть, писал один из вузовских коммунистов Г. Лаписов, платные места станут щелкой для нэпманов, «все бесплатные места надо сохранить за собой!». Двери в высшую школу надо широко открыть пролетариям, «а не барышням из советских учреждений, не маменькиным сынкам, различным “господам”, которых и так много махрово цветет в стенах высшей школы» [25]. Когда Главпрофобр приступил к сокращению числа вузов, ВИНО также не устоял. Но его ликвидация была всё же не столь решительной, как у прочих вузов-недолгожителей. В декабре 1921 г. его преподавателей и студентов было решено передать в ВГУ на правах нового педагогического факультета.

Рамки настоящей статьи не позволяют представить исчерпывающую картину бурной жизни высшей школы первых лет советской власти. Не всем вновь учрежденным вузам дана даже характеристика. Был в те годы создан, например, и Воронежский институт театрального искусства. Были и другие скоротечные начинания подобного рода. Тем не менее представленные материалы убеждают: история первых лет советского вузовского строительства гораздо богаче и поучительнее, чем это могло бы показаться на первый взгляд. Пример революционных лет оказался весьма разительным. Пройдет немного времени, и в годы первых пятилеток высшая школа страны столкнется с еще одной масштабной кампанией массового учредительства. Можно, впрочем, констатировать, что распад СССР и развернувшийся слом так называемой административно-командной модели социализма в очередной раз сопровождался необыкновенным ростом высших и «полувысших» учебных заведений. Как и в годы далекой уже революции, современное учредительство тоже нередко носило хаотический характер. Случайными

такие совпадения назвать нельзя. На резкое ослабление государственного контроля и регулирования общество отвечало ростом стихийных инициатив. Во всех этих преобразовательных волнах просматривается действие противоречивых факторов. Но время и опыт постепенно смывали пену легкомысленных начинаний, и отечественная высшая школа шла вперед.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / А. Е. Иванов. – Москва : [Б.и.], 1991. – 392 с.
2. Шевченко В. Е. Первый вуз Центрального Черноземья / В. Е. Шевченко, С. И. Филоненко, В. Н. Плаксин, В. И. Логунов. – Воронеж : Кварта, 2002. – 509 с.
3. Карпачев М. Д. Воронежский университет. Вехи истории, 2018–2013 : [монография] / М. Д. Карпачев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013. – С. 82–83.
4. ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 10. Л. 35–37.
5. Аврус А. И. История российских университетов : курс лекций / А. И. Аврус. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005. – 168 с.
6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Москва : Госполитиздат, 1953. – Ч. 1, 1898–1925. – 952 с.
7. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Москва : Изд-во пол. лит. лит-ры, 1981. – Т. 41. – С. 300–318.
8. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 40. Л. 35–37.
9. Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы / Ш. Х. Чанбарисов. – Москва : Высш. шк., 1988. – 255 с.
10. Воронежская Коммуна. – 1922. – 3 окт.
11. Акиншин А. Н. Воронежское отделение Московского археологического института (1922–1923 гг.) / А. Н. Акиншин, В. А. Алленова, И. Е. Сафонов // Исторические записки. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – Вып. 10. – С. 131.
12. Rehuleping Eesti ja Venemaa vanel. Мирный договор между Россией и Эстонией. – Tallinn : Valgus, 1989. – С. 12.
13. Рожденный революцией. Документы. Воспоминания / сост. Л. Е. Кройчик ; редкол. : В. В. Гусев (отв. ред.) [и др.]. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1988. – 446 с.
13. ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 293. Л. 4.
14. Воронежская Коммуна. – 1923. – 13 янв.
15. Воронежская Коммуна. – 1922. – 8 июля.
16. Воронежская Коммуна. – 1923. – 19 янв.
17. Воронежская Коммуна. – 1923. – 6 янв.
18. Троицкий Н. В. Я – коренной воронежец : воспоминания архитектора / Н. В. Троицкий ; предисл.

И. С. Суровцева ; подгот. текста, вступ. ст. и примеч.
А. Н. Акиншина, Г. А. Чеснокова. – Воронеж : Альбом, 2005. – 207 с.

19. ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1010. Л. 44.

20. ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 267. Л. 7.

21. Воронежская Коммуна. – 1923. – 27 янв.

22. Пыльнев Ю. В. Очерки истории педагогического образования в Воронежской области. 1917–2000 / Ю. В. Пыльнев. – Воронеж : ВОИПКРО, 2003. – 96 с.

23. ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 264. Л. 45–46.

24. Воронежская Коммуна. – 1922. – 21 нояб.

25. Воронежская Коммуна. – 1922. – 24 мая.

Воронежский государственный университет
Карпачев М. Д. – доктор исторических наук,
профессор, профессор кафедры истории России
E-mail: m-karpach@mail.ru

Voronezh State University
Karpachev M. D. – Dr. Habil. in History, Professor,
Professor of the Department of Russian History
E-mail: m-karpach@mail.ru